

«СТАРЕЙШИНА» ГОСТОМЫСЛ И РАННЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЛЬМЕНСКИХ СЛОВЕН

Тарасов Илья Михайлович

Аспирант, Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Пушкин)
tarasowilya@yandex.ru

THE "CHIEF" GOSTOMYSL AND THE EARLY POLITICAL UNIFICATION OF THE NOVGOROD SLAVS

I. Tarasov

Summary: In the article examines the semi-legendary personality of the chronicled "chief" Gostomysl and determines the approximate time of his life. The author tries to determine the role of Gostomysl in the formation of the "Northern Union" of the chiefdoms of Slavs and Baltic Finns in the Volkhov-Ilmen region — the forerunner of the state of Rurik — Oleg.

Keywords: Novgorod Slavs, Krivichs, culture of Pskov long mounds, culture of Novgorod hills, Gostomysl, Russian chronicles, Novgorod.

Аннотация: В статье исследуется полуполюгендарная личность летописного «старейшины» Гостомысла и делается попытка определить примерное время его жизни. Автор пробует обозначить ведущую роль Гостомысла в сложении «северного объединения» вождеств славян и прибалтийских финнов в Волхов-Ильменском регионе — предтечи государственного образования Рюрика — Олега.

Ключевые слова: ильменские словене, кривичи, культура псковских длинных курганов, культура новгородских сопков, Гостомysl, летописи, Новгород.

В летописях новгородско-софийской группы полуполюгендарная и вместе с тем ключевая фигура ранней истории ильменских словен Гостомysl упоминается как «старейшина» и в связи с сюжетом о древнем расселении славян из Подунавья («разделения словенского языка»). В Новгородско-Карамзинской летописи говорится: «Словени же, пришедше с Дуная, съдоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ именем, и сдѣлаша град, и нарекоша и Новгород, и посадиша старѣишину Гостомысла» (ПСРЛ, XLII: 22). В Софийской I летописи: «Словѣне же, пришедше с Дуная, съдоша около озера Илмеря и прозвашася своимъ именемъ, и здѣлаша град, и нарекоша и Новѣгородъ, и посадиша и стареишину Гостомасла» (ПСРЛ, V: 3). В Новгородской летописи: «Словенъ же, пришедше с Дуная, съдоша около озера Илмеря и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ, и посадиша собѣ старѣишину Гостомысла» (ПСРЛ, IV-2, Вып. 1: 3).

Фигурирует Гостомysl и в списке посадников Новгорода: «Гостомyslъ, Коснятин, Остромиръ Завид, сын его Дмитръ, Петрята...» [3, с. 471]. После Гостомысла в списке посадников идут Коснятин и Остромир. Коснятин был сыном воеводы Владимира Добрыни и стал посадником только в 1017 г. Умер он на Оке в 1022 г. Остромир – заказчик знаменитого рукописного Евангелия, был посадником в 1054–1057 гг. Легендарный Гостомysl, современник Рюрика, никак не мог править позднее конца 60-х гг. IX в. Таким образом, между первыми двумя посадниками разрыв почти в полтора столетия. Между вторым и третьим – свыше 30 лет. Из этого следует, что список составлялся задним числом и между правлени-

ем первых посадников – огромные хронологические лакуны. Имя первого посадника Гостомысла могло быть вставлено с определённой целью – первым правителем обозначался основатель города (основатель Новгорода, согласно традиции новгородско-софийских летописей). Здесь мы встречаемся с весьма распространённой традицией записывать легендарного правителя древности основателем и первым правителем какого-то крупного города. Точно так же римские историки считали Ромула основателем и первым царём Вечного города. Таким образом, перед нами вставленное ретроспективно в список посадников имя легендарного древнего правителя. Наиболее вероятно, что добавлен в манускрипт Гостомysl был из устного предания. В науке распространено мнение, что за известиями о Гостомысле определённо стоит новгородская устная традиция [48, с. 197, примеч. 89; 10, с. 687].

Из списка посадников имя Гостомысла попадает уже в недатированную, «легендарную» часть летописей новгородско-софийской группы (XV в.) [49, с. 65–66]. Сам список датируется по-разному. Сходятся, как правило, на одной из двух точек зрения: речь идёт либо о XII, либо о XV столетии. Более обоснованной нам кажется точка зрения, что список был составлен новгородскими книжниками в XII в. (1110-х, либо 1160-х гг. с предпочтением второй даты) [10, с. 614–615, 686–687]. Гостомysl помещён в определённый исторический контекст, что вполне может быть объяснено бытованием конкретной устной традиции [10, с. 613–614]. Обращает на себя внимание то, что Гостомysl здесь назван «старейшиной», а не «посадником». В древнерусском языке слово *старѣишина*

также имело значения 'глава', 'руководитель', 'вождь' [39, с. 503–504]. Обращает на себя пристальное внимание подобный термин, как бы указывающий на *докняжескую*, особо древнюю, эпоху Гостомысла.¹

Из исследований этнографов известно, что эпическая память в человеческих коллективах может сохраняться несколько веков, вплоть до шести сотен лет [6, с. 33]. Согласно нашим недавним исследованиям, память о проживании восточных германцев (готов) в низовьях Днепра вплоть до середины – конца 3-й четверти V в. сохранялась и в древнерусское время [42, с. 2023]. Таким образом, предания о славянском переселении с Дуная в VI–VIII вв. гипотетически могли существовать в XII столетии.

Обращает внимание тот факт, что ещё в «Истории Иоакима» сообщается: отец Гостомысла и его предки «в песнях древних вспоминают» [44, с. 33]. Таким образом, мы можем зафиксировать предположение об упоминании Гостомысла и приходе славян с Дуная в какой-то древней эпической песне, последние всплески которой зафиксированы летописями новгородско-софийской группы, поздними летописями (к примеру, Мазуринский летописец) и таинственным манускриптом, из которого в конце 1740-х гг. успел сделать выписки В.Н. Татищев (так называемая «История Иоакима»).

В новгородско-софийской летописной традиции фиксируется чёткая привязка Гостомысла к основанию Новгорода. Однако, на сегодня установлено, что город был заложен только в X в. Но даже в случае замены Новгорода на более древнее Рюриково Городище, расположенное в двух с половиной километрах к югу от детинца, ситуация не сильно меняется. Городище возникает только около середины IX в. [26, с. 250]. Таким образом, правление Гостомысла вроде бы должно относиться к середине IX в. Однако, наличие упоминания Новгорода в недатированной части «Повести временных лет» (так называемое «космографическое введение») не должно смутить исследователя. Подобными «новгородами», «неаполями», «новиедунами» испещрена карта Европы. Это не удивительно – продвигаясь на новые территории группы мигрантов зачастую давали новым поселениям стандартное имя «новый город». Поэтому соотносить «новый город» только прибывших на Северо-Запад словен ильменских именно с Новгородом Великим не представляется вероятным. К тому же, из поздних летописей имя какого-то другого города могло быть вытеснено более привычным Новгородом. Помимо этого, данные летописей относительно основания города разнятся. По упомянутому выше «космографическому введению» к

«Повести временных лет» (далее – ПВЛ) Новгород основали словене без упоминания конкретного действующего лица («и сдѣлаша градъ. и нарекоша и Новѣгородъ» (ПСРЛ, I:6). Тогда как в так называемом «Сказании о призвании варягов» город «срубил» Рюрик, пришедший из-за моря (ПСРЛ, II: 14). На наш взгляд, здесь имеет место наложение двух разновременных летописных «топосов» друг на друга, в результате чего заморский гость Рюрик оказался почётным основателем Новгорода. В Ипатьевской летописи он также «срубиша городъ Ладогу», что никак не вяжется с данными дендрохронологического анализа, который датирует основание города серединой VIII столетия [20, с. 211]. Очевидным кажется следующий вывод: ради престижа древнерусские книжники пытались приписать основание «своего» города самому основателю княжеской династии Рюриковичей.

Ильменские словене, по версии летописца, не просто основали Новгород, но и «княженье» имели «свое в Новѣгородъ» (ПСРЛ, I:10). Верно подмечено А.А. Горским, что «[п]о прямому смыслу, речь идет о правлении в этих группировках своих княжеских родов» [12, с. 199]. Однако, имя «старейшины» Гостомысла здесь не фигурирует — мы можем констатировать, что киевскому составителю Начального свода (далее — НСв) новгородское предание о нём известно не было. Примечательно, что сам рассказ о «княжении» словен и упоминание Новгорода помещён составителем летописи в период между смертью Кия и его братьев и нашествием на полян хазар (ПСРЛ, I: 10, 17; II: 8, 12). И если первое событие обычно датируется периодом активных набегов славян на северные провинции Ромейской империи (VI–VII вв.), то второе можно датировать археологически – пребывание хазар в Северном Причерноморье по обеим сторонам Днепра датируется узким периодом с последней четверти VII в. по 730-е гг. [23, с. 98]. Таким образом, опираясь на летопись, возведение «нового города» словенами и правление у них «княжеских родов» следует датировать **периодом между VI в. и 675/730-ми гг.**, т.е. VI – первой третью VIII вв. Именно в это время должен был жить летописный «старейшина» Гостомысл и именно до этого времени должно было состояться переселение словен на территорию Северо-Запада будущей Руси.

Были ли у ильменских словен обозначенного периода (VII–VIII вв.) города? Летописи однозначно свидетельствуют в пользу того, что словене строили «грады» ещё до призвания варягов. Поздние летописи вовсе сообщают, что сразу после миграции в Ильмень-Волховский регион словене «здѣлаша градъ» (см. выше). Возможно, под ним следует понимать древний Городок на Маяте, расположенный в юго-восточном Приильменье.

1 Само личное имя «старейшины» Гостомысла, по нашему мнению, очень архаичное и означает вовсе не 'человек, заботящийся о гостях' [48, с. 205], 'мыслящий (благоволяющий) гостям', но 'муж, владеющий землёй', 'землевладелец' (или даже 'земледержец'), либо, по другой версии, '(главный) муж рода/клана'. Этимология для экономии места опущена.

В Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛм), отражающей по общепринятой версии, НСв конца XI в., сообщается: «И въсташа Словенъ и Кривици и Меря и Чудь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды» [3, с. 106]. В ПВЛ не говорится конкретно о «градах», но упоминаются «роды»: «и въста родъ на родъ» (ПСРЛ, I: 19).² Таким образом, можно предположить, что в каждом «граде» сидел собственный «род», т.е. следует говорить о довольно высоком уровне политического развития данной территории. Однако, можно возразить, что здесь описывается период середины IX в., время перед призыванием варягов. Можно ли говорить о «градах» в предшествующие периоды ранней истории ильменских словен?

В рассказе об эпохе правления Кия и его братьев НСв сообщает про словен, союзных им кривичей и мерю, что у них были собственные «волости». У территориально близкой чуди своей волости не отмечено, что можно связывать с более низким социально-политическим развитием данного этноса. Также сообщается, что во время жизни Кия и его братьев словене, кривичи и меря, а также чудь «каждо своимъ родомъ владыше» [3, с. 106]. Можно классифицировать данный летописный «топос», как свидетельство наличия довольно развитых вожеств у словен, кривичей и мери уже в раннем Средневековье, когда предводитель (вождь) владел отдельным «родом» («племенем»). Одно из значений древнерусского слова *волость* — «область, страна, земля, находящаяся под одной верховной властью» [39, с. 293]. Из имеющихся письменных источников мы можем привести свидетельство «Гетики» Иордана (1-я половина VI в.) о существовании в эпоху Эрманариха (середина – 3-я четверть IV в.) мери (*Merens*) и приладожской чуди (*Thiudos in aunix*, если данная интерпретация верна)³ (*lord. Get.* 116). Это можно считать косвенным свидетельством в пользу того, что у мери и чуди были собственные политические образования (вожества), так как упоминание акефальных «племен» без чётко выраженной социальной иерархии, верховной власти и подчинённой территории вряд ли было возможным. «Космографическое введение» к ПВЛ также указывает, что во время Кия (или вскоре после него) у ильменских словен существовало «княженье... свое в Новѣгородѣ» (ПСРЛ, I: 10). Отметим, что летопис-

ное «княжение» обозначает то же самое, что современный научный термин *вождество/вождийство* (*chiefdom*) [12, с. 201, примеч. 48]. Таким образом, опираясь на данные летописи, можно говорить о вождествах кривичей, ильменских словен и мери уже в VII–VIII в. (первых два «племени» относятся к тем славянам, которые заселили Псковско-Ильменский регион).

Летописные сведения о «родах» ильменских словен находят археологические подтверждения. Так, обосновано, что миграция населения в Псковско-Ильменский регион была достаточно масштабной. Сравнительно небольшие по числу курганов ранние могильники и малые размеры местных поселений дают основания полагать, что создатели культуры псковско-мстинских длинных курганов/культуры псковских длинных курганов (далее – КПДК) оседали на Северо-Западе небольшими, но многочисленными группами [37, с. 30]. По нашему представлению, эти небольшие группы тождественны «родам» летописи. Каждый из подобных «родов» должен был держать свой «град». Учитывая, что население даже таких крупных «градов», как Ладога, в VIII – начале IX вв. составляло несколько десятков человек и максимально может быть оценено в сотню жителей [9, с. 43], сказанное выше имеет под собой основание. Численность «рода» в раннем Средневековье может оцениваться в несколько десятков человек и в некоторых случаях достигало сотни. Объединение таких «градов» можно называть вождеством («княжением» в терминологии древнерусских книжников) в несколько сот или даже тысяч человек.

Что говорит археология о наличии «градов» у славян Псковско-Новгородской земли? Уже у носителей древностей типа Заозерье-Узмень в Псковской области отмечены городища (например, Осыно) [22, с. 217]. Население, оставившее памятники круга Заозерье-Узмень, в дальнейшем сыграет важную роль в этногенезе «длиннокурганников». Основание славянского Городка на Маяте в юго-восточном Приильменье датируется серединой I тыс. н.э. [13; 14, с. 269]. Рубежом VII–VIII столетий датируется Изборское городище в земле кривичей [35, с. 56–57]. Есть все основания считать его племенным центром славян, предназначенным для проведения массовых (племенных) сборов и культовых (языческих) празднеств и гаданий. Это согласуется с этимологией города (от др.-рус. *изборъ* — «выбор», *Изборск* – это «избранное (для чего-либо) место»). Изборскому городищу синхрон-

2 Попытки представить летописные строки библейскими аллюзиями (сравни: II Пар., 15:6) [31, с. 44, примеч. 4] явно несостоятельны, т.к. книжники на Руси зачастую преобразовали тексты на манер библейских лекал, используя ветхо- и новозаветные словесные формулировки и выражения. Этим занимались и в других средневековых христианских государствах. Для сравнения можно привести отсылки к библейским временам в описании готской истории у разных средневековых авторов [46, с. 377, с. 383, примеч. 48] или заимствование библейских сюжетов в записях скандинавских саг [11, с. 385].

3 На наш взгляд, данный этнос уместно связывать не с чудским населением южного берега Финского залива (предками эстонцев и води), но с предками финноязычного населения приладожской курганной культуры рубежа I–II тысячелетий (так называемой приладожской чудью – как считается, прародителями современных вепсов, карел-ливвиков и людиков).

но Псковское [35, с. 57]. В целом обосновано наличие на территории Старой Ладogi «островков жизни», связанных со славянской колонизацией. Их можно относить к VII–VIII вв., а возможно и к более раннему периоду [18, с. 131]. Уместно связывать Земляное городище Старой Ладogi со славянами V – 1-й половины VI вв. [18, с. 129]. Тем самым подтверждаются слова летописи о нахождении Ладogi именно в земле словен (ПСРЛ, II: 14). Воскресенская летопись указывает на изначальное расселение словен близ Ладожского озера. Только спустя какое-то время словене поднялись по Волхову, освоили Приильменье и основали Новгород (ПСРЛ, VII: 262). О расселении ильменских словен в округе Ладogi свидетельствует и наличие сопок [19, с. 142].

В целом, появление большого количества городищ у ильменских словен уверенно датируется периодом не позднее конца VII – VIII в. Речь может идти, к примеру, о городище близ деревни Георгий. Также концом VII – VIII столетиями традиционно датируется и основание селища на реке Прость, поселений Золотое Колено на Мсте, Бережок на оз. Наволок, Любшанской крепости, расположенной в двух километрах от Старой Ладogi, первичного поселения на территории Городища под Новгородом и др. Все они уверенно связываются со славянами. Появление таких «градов» можно связать с обычным стремлением к компактному расселению в условиях иноэтничного окружения. Отмечается, что для этой эпохи характерны открытые поселения, нередко обладающие естественной защитой из-за многочисленных проток Веряжи и верховьев Волхова [19 с. 148–149].

Каким временем можно датировать переселение групп славянского населения в Псковско-Ильменский регион? В среде древнерусских книжников словене ильменские считались автохтонами Северо-Запада, или, по крайней мере, населяющими эти земли с глубокой древности. Так на Руси уже как минимум с конца XI в. бытовала легенда о путешествии апостола Андрея на Русь. В легенде сообщалось, что апостол прошёл по Днепру на север и «приде въ Словѣни», где он видел «люди суцаа», которые мылись в бане (как и в дальнейшем русские) (ПСРЛ, I: 8). То есть, по мнению летописца, при апостоле Андрее в «Словенах» жило то же население, что и в древнерусскую эпоху. При этом книжник прекрасно понимал, что Новгорода в то время ещё не существовало («идеже нынѣ Новъгородъ»), как, впрочем, и Киева («на сихъ горахъ восиаеъ благодать Божья . имать градъ великъ [быти] . и церкви многи Богъ въздвигнути имать»).

Другое косвенное свидетельство древнего проживания словен в Приильменье содержится в НСв, сохранившемся в НПЛм. Летописец подчёркивал, что во времена Кия (время правления – до последней четверти VII в. – см. ниже) «новгородстии людие» назывались словенами. Словене, а также кривичи и меря каждые «свою волость

имѣли»; «кождо своимъ родомъ владыше» [3, с. 106].

Польская историография уже с первой половины XVI в. утверждала, что славяне происходят с территории близ некоего «озера Словеного» (*Słowienego*) [43, с. 32], чьё название напоминает самоназвание ильменских словен, и память о нём может быть смутными отголосками о каком-то *очень древнем* расселении славян в Приильменье. Расселение случилось *так давно*, что в представлении польских историков «озеро Словеное» стало основной локацией славянской прародины.

Таким образом, можно считать, что это нарративные источники свидетельствуют в пользу очень древнего расселения славян на Северо-Западе Руси.

В своё время Е.Н. Носов [27, с. 56; 28, с. 37–38; 29, с. 11–12] выдвинул гипотезу о двух волнах славянской колонизации Северо-Запада с юга. С первой волной он связывал возникновение КПДК в VI–VII вв., а со второй, более поздней – культуры новгородских сопок VIII столетия.

Данные, которые приводят другие исследователи, подтверждают, что первичное проникновение славян уже в Приильменье и Поволховье начинается с V – первой половины VI вв. [35, с. 66; 37, с. 28–29; 18, с. 129]. Наиболее ранние длинные курганы датируются по средне-европейским пряжкам первой половиной V в. Их время бытования доводится до VI–VII вв., что подтверждается находками бляшек–скорлупок, блоковидных кресал и других предметов [36, с. 127–137].

Комплексная оценка материалов с Земляного городища в Старой Ладoge, проводимая в наше время, позволила установить и датировать появление ранних славян даже в Нижнем Поволховье серединой I тыс. н. э. [18, с. 129–130]. Отмечается высокая притягательность Приильменья для славян уже в V–VII вв. Иногда данная локация расширяется за счёт всего Поволховья, в том числе и нижнего [Там же, с. 134]. Именно славянские первопоселенцы принесли с собой навыки земледелия в некоторые места, в которых ничего подобного ранее не было [Там же, с. 131, 134]. В местностях, где земледелие уже существовало, славяне выступили новаторами. В Поозерье последний из четырёх земледельческих этапов выделяется с V–VI вв. Первые три типа выделяются по пыльце ячменя и в незначительной степени — пшеницы; четвёртый — по пыльце ячменя, пшеницы и ржи [16, с. 248]. В Восточном Приильменье вторая волна аграрной активности, согласно ботаническим исследованиям, датируется периодом начиная примерно с VI в. [Там же, с. 251–252] (по времени этот этап примерно совпадает с возведением в Городке на Маяте укреплений, характерных для раннесредневековых славян). Данные активности уместно связать именно с приходом групп ново-

го (славянского) населения. Очевидным является, что развитое земледелие привело через какое-то время к повышению рождаемости у колонистов, чем можно объяснить активное заселение новых территорий в течение последующих нескольких веков.

Имеются и другие данные – косвенные – об очень раннем появлении славян на территории Новгородско-Псковского региона. В частности, на это указывает местная гидронимика [4, с. 153–185]. Отмечается, что архаическая топонимика Северо-Запада «находит общие переключки» со Средним Поднепровьем и с галицко-волинскими землями. Однако центральный новгородский топонимический ландшафт Приильменья по ряду весьма существенных признаков отличен от псковского топо-ландшафта, особенно в бассейне Великой. Эти несоответствия объясняются именно двумя волнами миграций древнего славянского населения [8, с. 30–31].

По мнению Д.А. Мачинского, в конце V – первой трети VI вв. вышедшие из лесов Восточной Европы славяне широко расселяются по Восточному Прикарпатья и левобережью Нижнего Дуная, где они вступают в период кристаллизации своего этнического самосознания [24, с. 121–122]. В дальнейшем под натиском «волохов» (романоязычного населения Балкан) и ромейской (византийской) армии и появления угрозы со стороны праболгар Аспаруха славяне начали переселение с Дуная на север [25, с. 84–86]. Г.С. Лебедев также указывал на Подунавье, как место консолидации вышедших с севера славян. Именно здесь славяне, прошедшие пшеворско-черняховскую «фильтрацию», вступили в контакт с Ромейской империей, шагнули на новую ступень развития, после чего расселились в разных направлениях, в том числе и в северо-восточном, занимая территорию прародины [21]. На наш взгляд, не последнюю роль в консолидации славян и выстраивании ими протогосударственного образования в Волхов-Ильменском регионе играл опыт взаимодействия их предков с ромейским и германским населением Подунавья. Уже в VI в. источники отмечают весьма значительные и сильные политические образования дунайских славян. Мы можем говорить о (1) вождестве Добрыты и οἱ ἐν τέλει («отборные», «совершенные») его народа, а также ἡγεμόνες («начальники», «вожди»); (2) вождестве дунайских славян Ардагаста, который имел «подвластную страну»; (3) упоминание «экзарха» Пирагаста, который также назван «филиархом войска» и «таксиархом» (военным командиром); (4) свидетельство о политическом образовании «рикса» (т.е. царя) Мусокия. Этот Мусокий назван Феофаном Исповедником «царём варваров» [1, с. 113], что указывает на более высокий его статус по сравнению с тем же Ардагастом. То есть имеются основания говорить о Мусокии либо как о главе сверхсложного вождества славян нижнедунайского Левобережья, либо даже как о главе раннегосударственного образования.

На наш взгляд ценный опыт построения подобных «славиний» те из предков ильменских словен, что пришли из Подунавья (периферия ромейского и германского миров), принесли на север («пришедше с Дуная, съдоша около озера Илмеря»).

Вождь древнейших словен Гостомысл, по всей видимости, был тем, кто привёл некоторую группу колонистов в Волхов-Ильменский регион и создал здесь крупное вождество. Есть основания говорить, что именно им были заложены какие-то из словенских «градов».

Именно группа славянских пришельцев во главе с Гостомыслом могла принести в Волхов-Ильменский регион новые навыки (такие, как развитое земледелие), благодаря чему Гостомысл мог стать героем эпических преданий, которые сохранились на Северо-Западе вплоть до Нового времени. Мифы и предания народов мира часто приписывают первым царям обучение древних людей навыкам земледелия. Согласно египетским мифам, в глубокой древности царь Осирис научил людей сеять злаки. По китайской мифологии, один из Трёх Великих — древний правитель Шэнь-нун изобрёл сельскохозяйственные орудия, после чего стал пахать землю. Первому правителю инков – Манко Капаку, – потомки приписывали изобретение земледелия. Почитание таких древних царей-«учителей» может быть рационально объяснено: земледелие приводило к сокращению смертности от голода и способствовало демографическому росту племени/народа. Поэтому того, кто привнес новаторские методы обработки земли, на многие века окружали ореолом величия и славы.

На существование у ильменских словен довольно развитых социально-политических институтов (а, следовательно, и политических объединений) указывает сам факт возведения сопки. Уже давно отмечено, что новгородские сопки, скорее всего, быть памятниками социальной верхушки. Подчёркивается, что многие конструктивные особенности волховских сопки превосходно объясняются «Эддой» [50]. Сопки таким образом как бы выступают в роли своеобразных языческих храмов, в которых похоронены представители социальной верхушки [19, с. 144]. Новгородские сопки могут и должны считаться памятниками социальной верхушки, обладающие определённой сакральностью. Отдельно указывается на сходство сопки со скандинавскими высокими курганами вендельской эпохи [19, с. 149].

Другим свидетельством в пользу существования устойчивых политий словен уже в VIII столетии свидетельствует факт трудозатратности возведения подобных сооружений. На возведение одной сопки высотой 4–12 м требовалось огромное количество человеко-часов. По одним данным, на возведение одной сопки требовалось 800 до 3600 человеко-дней. По другим исследованиям,

на возведение сопки требовалось ещё больше времени [38, с. 3–5; 32, с. 50–60; 19, с. 141].

Согласно современному исследованию [9], для возведения сопковидной насыпи близ урочища Плакун в Старой Ладogi потребовалось бы:

Количество рабочих	15	30	50	100
Рабочие дни	138	69	42	21

Для первоначального уплощённого кургана результаты следующие:

Количество рабочих	15	30	50	100
Рабочие дни	38	19	12	6

Исходя из имеющихся данных, можем констатировать, что для возведения одной сопковидной насыпи средних размеров потребовалось бы несколько десятков рабочих рук в ограниченных условиях весьма сурового климата, короткого лета и крайне низкого излишка продукции (необходимой для функционирования какой-либо власти). Для обычного акефального коллектива, либо коллектива со слабо выраженной верхушкой подобные работы невообразимы. Возводить сооружения, подобные ильменским сопкам, можно только в составе, по меньшей мере, крупного вожества. Сами сопки часто трактуются как свидетельство выделения в восточнославянской среде родовых старейшин и племенных князей. Для них возведение сопки стало важным элементом утверждения своего престижа и могущества (В.С. Пономарев, Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий) [15, с. 242]. В народе память о грандиозности возведения могилы Гостомысла — гигантской сопки, насыпанной многочисленными людьми, — сохранялась долгое время. Предание даже попало в летопись Николо-Дворищенского собора. В летописи упоминался «холм, насыпанный над могилою князя славянского Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины...» [Цит. по: 5, с. 69]. Местечко, где был погребён Гостомысл, в народе именовали Волоотово (от старорусск. *волоть* — 'гигант, великан, богатырь').

Таким образом, можно предположить, что под властью Гостомысла должно было находиться, как минимум, крупное вожество. В условиях постоянной германско-скандинавской угрозы со стороны Балтийского моря происходила постепенная консолидация «родов» и объединение их в сложные политические объединения. Другой веской причиной создания крупной политики на Северо-Западе была экономическая — контроль за торговыми путями с востока, которые шли через Волхов и вдоль южного побережья Ладожского озера. Постепенно

развиваясь, к середине IX столетия словенская полития Волхов-Ильменского региона превратилась в довольно крупное протогосударственное образование, которое в современной историографии условно именуется «северной конфедерацией» (или «северным объединением»), которую связывают со славяно-финскими, либо исключительно славянскими «племенами». ⁴ Данное образование уже в предваряющий период стояло на стадии перехода от сложного вожества к сверхсложному, включающему несколько сложных [12, с. 204]. Е.А. Мельникова называет его «предгосударственным образованием» [26, с. 241], В.Я. Петрухин — «предгосударственным образованием (с межплеменным центром в Ладoge)» [30, с. 442]. По сути, можно говорить именно о зачаточной государственности с центром в Приильменье в дорюрикову эпоху (середина IX в.). Милитаризированные группы варягов из-за моря пришли на территорию с уже ясными, заметными предпосылками к возникновению раннего государства.

Таким образом, летописный Гостомысл нами принимается за основателя «северного объединения», который до этого привёл какую-то группу словен на север. Вполне логично, что позднее книжники, основываясь на данные устных источников, указывали именно его как символического «первого посадника» Новгорода. Вполне допустимо, что Гостомысл мог попасть в песни и предания и как обучивший навыкам земледелия (о том, что мигрировавшие с юга словене принесли с собой новаторства в земледельческой отрасли уже сообщалось выше). Однако, на сегодня у нас нет никаких прямых аргументов для выстраивания подобной связи. Мы можем только предполагать, что в этногенетических преданиях ильменских словен Гостомысл выступал таким же предводителем-патриархом «племени», как Вятко и Радим у вятичей и радимичей соответственно или как Кий — у полян.

В дальнейшем эпический вождь ильменских словен Гостомысл мог быть отождествлён с Гостимулом-Гостомыслом (*Gestimulus, Gestimysl, Gotzomiuзли*), «королём» крупного племенного объединения ободритов, борющимся с правителем восточных франков Людовиком II Немецким. После смерти Гостомысла ободритский племенной союз распался на несколько частей. В дальнейшем правление Гостомысла могло восприниматься балтийскими славянами как «золотой век» и воспеваться в песнях и преданиях. Ободритский «король» известен по ряду западноевропейских источников (Фульдские, Хильдесхаймские анналы и др.) и время его жизни чётко локализовано (1-я половина IX в., до 844 г.). Разумеется, ободритского «короля» нельзя соотносить с летописным Гостомыслом, жившим, как минимум, веком

4 Некоторые исследователи, к примеру, доктор исторических наук А.А. Горский [12, с. 192], объединяют в рамках «северной конфедерации» только псковских кривичей и ильменских словен. В таком случае наиболее корректным будет вариант наименования данной политии «северной славинией».

ранее и правившем территорией, лежащей на 1300 км к северо-востоку (по прямой). Объединить две личности могли только эпическая поэзия и людская память. Соотнесение разных исторических деятелей со схожими именами в эпосе давно отмечено исследователями. К примеру, образ Владимира Красно Солнышко объял не только образы летописных Владимира Святославича, но и Владимира Мономаха. Как мы показали в ряде исследований, на портрет былинного князя повлиял и образ готского короля V в. Валамира, победителя наследников Аттилы [40; 41; 43, с. 204–241]. Под Тидреком (Дитрихом) Бернским германо-скандинавского эпоса угадывается не только Теодерих Великий, но и вестготский Теодерих, павший в битве с Аттилой на Каталаунских полях, и даже король фракийской группировки остроготов Теодерих Страбон [40, с. 70]. Память о могущественном ободритском правителе должны были принести выходцы с южного берега Балтии, чьё присутствие подтверждается археологически (но, конечно же, с ним нельзя в целом связать переселение носителей культур длинных курганов и сопок, как это иногда делается). В дальнейшем в народной памяти Новгородской земли могло произойти объединение образов двух Гостомыслов — местного и заморского.

Миграции какого-то населения с южного побережья Балтийского моря подтверждаются наукой. Здесь можно отметить как схожесть керамики славян Северо-Запада и населения южного берега Балтийского моря [7, с. 328—329], так близость традиций домостроительства и строительства защитных сооружений [33, с. 75, примеч. 35]. Правда, следует понимать, что подобные миграции носили спорадический характер и были растянутыми по времени. Главным образом, спасалось славянское население от немецкого *Drang nach Osten* и принудительной

христианизации.

По нашему мнению, летописный Гостомысл был вождём («старейшиной») одной из групп славянских переселенцев, продвинувшихся на Северо-Запад будущей Руси. Переселение под началом Гостомысла, его правление и основание им «града» в новой земле можно датировать периодом между VI в. и 670–730-ми гг. Именно с Гостомыслом и группами придунайских славян в составе ильменских словен, следует связать перенос опыта построения крупных политических образований, который пригодился на севере. С Гостомыслом есть основания связывать вождество ильменских словен, которое в дальнейшем в силу ряда причин развилось до стадии перехода от сложного к сверхсложному и стояло на пороге государственности уже к середине IX в. Вождество Волхов-Ильменского региона имело зачаточную правовую культуру (договор ильменских словен с варягами, отрывки которого были включены в летопись) [47, с. 269] и образчики письменности (рунические надписи IX в. и предположительно попытка создания собственного алфавита, зафиксированная находкой на одной из усадеб Неревского конца в 1956 г. [о находке: 20, с. 220]). Легендарный правитель Гостомысл попал в эпические песни и предания и мог считаться первым правителем и «подателем благ», т.к. со славянской миграцией связано развитие земледелия в регионе и, как следствие, демографический рост местного населения.

В дальнейшем, от групп переселенцев с южного побережья Балтийского моря на Новгородскую землю была принесена память о могущественном ободритском «короле» Гостомысле. Образ его в народной памяти постепенно сблизился, а потом и слился с образом словенского «старейшины» Гостомысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II: Византийские источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 384 с.
2. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / пер. с латинского. М., 1960. — 436 с.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. — 642 с.
4. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974.
5. Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 2007. — 294 с.
6. Алексеев С.В. Летопись попа Дуклянина. Перевод и комментарий. СПб., 2015. — 288 с.
7. Белецкий С.В. Биконические сосуды Труворова городища // Советская археология. 1976. № 3. С. 327–329.
8. Васильев В.Л. Славянская колонизация Русского Северо-Запада в свете ономастики // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 17–35.
9. Волов А.И. Анализ особенностей строительства и трудозатрат на сооружение сопковидной насыпи близ урочища Плакун в Старой Ладге // *Saurus*. 2023. Том 2. № 1. С. 29–49.
10. Гимон Т.В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
11. Глазырина Г.В. Путь на восток — путь к христианскому спасению. Сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон. М., 2010. С. 384–404.

12. Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 192–210.
13. Еремеев И.И. Славянский Городок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2006. Вып. 20. С. 259–274.
14. Еремеев И.И. О фортификации городищ пражской культуры Белорусского Полесья // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН. Том I. М., 2010. С. 269–283.
15. Еремеев И.И. Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: Проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 04–07 октября 2005 года. СПб., 2007. С. 240–255.
16. Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., Лисицына О.В. Древнее расселение и земледелие на восточном берегу оз. Ильмень по данным археологии и палеографии // Записки Института истории материальной культуры. №2. 2007. С. 215–256.
17. Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки по исторической географии лесной части пути «из варяг в греки». Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. Труды ИИМК РАН XXXIII. СПб., 2010.
18. Кирпичников А.Н., Курбатов А.В. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // Stratum plus. 2014. N5. С. 129–136.
19. Конечный В.Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 140–150.
20. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. – 286 с.
21. Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 105–115.
22. Лопатин Н.В. О древностях III–V вв. н.э. на юге Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2009. С. 209–218.
23. Марков В. Пеньковская культура, анты и их языковое наследие // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. Київ, вип. 175. № 8. 2022. С. 94–108.
24. Мачинский Д.А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. – XI в. н.э. // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 120–130.
25. Мачинский Д.А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников. В кн.: Скифия – Россия. Узловые события и сквозные проблемы: В 2 т. Т. 2. СПб., 2018. С. 76–94.
26. Мельникова Е.А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 240–269.
27. Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // Советская археология. 1. 1981. С.42–56.
28. Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988.
29. Носов Е.Н. Новгородская земля IX–XI вв. Автореф. дисс. ... д-ра исторических наук. СПб., 1992.
30. Петрухин В.Я. Финские племена и призвание варягов // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 437–447.
31. Петрухин В.Я. В.Т. Пашуто о древнерусской практике рjada // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 год: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 42–50.
32. Пономарев В. С. Новгородские сопки // Архив Ленинградского Отделения Института археологии (ЛОИА). Ф. 35. № 155. Л. 34–35.
33. Романчук А.А. Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). Ижевск: Вестник КИГИТ, №36 (6). 2013. С. 73–131.
34. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. – 68 с., 13 л. ил.
35. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. – 327 с.
36. Седов В.В. Первый этап славянского расселения в бассейне озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Нг, 1994. С. 127–137.
37. Седов В.В. Становление культуры псковских длинных курганов // Stratum Plus. 2000. № 5. С. 26–31.
38. Спицын А.А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории в честь С. Ф. Платонова. Пг., 1922.
39. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского / URL: <http://oldrusdict.ru/> (дата обращения: 08.03.2024).
40. Тарасов И.М. Некоторые сюжеты готской истории, упомянутые в Иоакимовской летописи. Статья первая // Заметки ученого. №11–2. 2021. С. 54–76.
41. Тарасов И.М. Некоторые сюжеты готской истории, упомянутые в Иоакимовской летописи. Статья вторая // Экономико-правовые, социологические и философские ориентиры. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции г. Ростов-на-Дону, 24 сент. 2022 г. Р-н/Д.: Изд-во «Феникс», 2022. С. 11–28.
42. Тарасов И.М. Об упоминании «днепровских варягов» в контексте предания о начале Киева // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 22–71.
43. Тарасов И.М. От Лызлова до Татищева и Ломоносова. Древние славяне в трудах первых отечественных историков. М., 2024. – 264 с. [32] с.
44. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Книга первая. Часть первая. М., 1768. – XXVIII, 224 с.
45. Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2003. – 488 с.
46. Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Stratum plus: структуры и катастрофы. СПб.: Кишинев, 1997. С. 95–106.

-
47. Шинаков Е.А. У истоков Русской государственности. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. — 528 с.
 48. Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. — 270 с.
 49. Янин В.Л. Новгородские посадники. 2. изд., перераб. и доп. М., 2003 — 511 с.
 50. Raudonikas W.J. Die Normannen der Wikingerzeit und das La-dogagebiet. Stockholm, 1930.
-

© Тарасов Илья Михайлович (tarasowilya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»